

Алеся
Кузнецова

ТЕНЬ КНЯГИНИ

СЕРИЯ “ВУАЛЬ ВРЕМЕНИ”

Каждая тайна рано или поздно поднимает вуаль

Вуаль времени

Алеся Кузнецова

Тень княгини

«Автор»

2026

Кузнецова А.

Тень княгини / А. Кузнецова — «Автор», 2026 — (Вуаль времени)

Анну любили миллионы — за безупречное лицо, холодное самообладание и голос, которому верила вся страна. Но после страшной аварии зеркало становится ее главным врагом, прямой эфир — закрытой дверью, а прошлое, которое она прятала под чужим именем, проступает сквозь трещины идеальности. Все меняет странный кулон в форме лодки с птицей. Случайная находка со стройки в точности повторяет знак, высеченный на древнем камне из ее детства. Чтобы разгадать эту тайну, Анне приходится обратиться к известному антиквару Эве, с которой еще вчера они держали вежливую, но холодную дистанцию. Анна возвращается туда, где когда-то пряталась от мира, и шаг за шагом открывает историю девушки, которую в IX веке называли Тенью княгини — женщины без лица, без прошлого и, возможно, без права на любовь. Две эпохи. Две женщины, жившие на одной земле с разницей в тысячу лет. И одна тайна, в которой любое лицо может оказаться лишь маской, а истинная сила рождается там, где заканчивается страх быть увиденной.

© Кузнецова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Достоинство двух королев	5
Глава 2. Запах цветущих яблонь	10
Глава 3. На глубине	15
Глава 4. Лотос в тумане	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алеся Кузнецова

Тень княгини

Глава 1. Достоинство двух королев

Хрустальные люстры заливали белоснежные колонны зала теплым обволакивающим светом и мерцанием тысяч искусственных свечей с дрожащими огнями. У высоких окон, задрапированных тяжелой бархатной тканью, четыре девушки в одинаковых черных шелковых платьях, струящихся до самого пола, касались смычками струн, создавая идеальный, выверенный музыкальный фон.

Эва остановилась у входа, невольно залюбовавшись игрой света в гранях тяжелых бокалов, которые бесшумно разносили на подносах официанты. Как эксперт по антиквариату, она привыкла с первого взгляда оценивать подлинность вещей — возраст амальгамы на старинном зеркале, чистоту камня, подлинность клейма. Но здесь, на этом статусном приеме, оценивать было нечего. Стоило просто улыбнуться мужу и получить удовольствие от вечера. В воздухе плыл тягучий, сладковатый аромат дорогих духов, смешиваясь с тонкими нотами ледяного шампанского.

— Как изысканно, правда? — улыбнулась ей красивая девушка с собранными в тугий узел волосами. В своем роскошном белом наряде она напоминала древнюю жрицу, но Эва не стала говорить об этом и лишь улыбнулась в ответ.

— Да, красиво.

— Они с такой легкостью играют. Скрипачкам повезло больше всех из музыкантов, им не нужно таскать с собой контрабас, или еще что. Такие маленькие скрипки легко уместятся чуть ли не в дамскую сумочку. Полагаю, ваш муж, как музыкант, точно согласится со мной.

Федор лишь усмехнулся и, остановив официанта, предложил Эве и незнакомой девушке фужеры. Эва выбрала бокал с минеральной водой и снова перевела взгляд на скрипачек.

— Ну да, изящно. Повезло. Вы, кстати, никогда не задумывались, что скрывают их шелковые шарфы в районе шеи?

Незнакомка пожала плечами и, взяв фужер с шампанским, попыталась вернуть лицу беспечно-глянцево-выражение.

— Я, кстати, недавно здесь снимала программу, — перевела она тему, начав говорить, чуть увереннее.

Эва не успела ничего сказать в ответ, так как прямо у нее за спиной раздался мужской голос.

— Надеюсь, моя очаровательная Снежана вас не слишком утомила?

К ним, неслышно ступая и ничуть не выделяясь в пестрой светской толпе, подошел Родион Казимирович. Они пересекались несколько раз, когда Федор приезжал в Минск с концертами и мужчина договаривался о съемках. В своем классическом, лишенном какого-либо лоска темном костюме он казался человеком абсолютно неприметным. Формально — всего лишь начальник одной из дирекций на национальном телевидении. Но в отличие от коллег с других каналов, Родион обладал колоссальными, неформальными связями, которые открывали перед ним любые двери и делали желанным гостем на любом приеме.

Родион чуть склонил голову, вежливо, но с едва уловимой снисходительностью разглядывая Федора и Эву. В его глазах читался встроенный прагматичный калькулятор, привыкший сортировать встречи на «полезные» и «случайные». Эва подумала, что он ей и раньше не нравился, а теперь это ощущение не своего человека перерастало в необъяснимую неприязнь.

— Признаться, удивлен встретить вас здесь, — произнес телевизионщик, делая неспешный глоток шампанского. — Антиквариат и академическая музыка — это прекрасно, вечная классика. Но сегодня вечером здесь правят технологии будущего, а не прошлое. Что привело вас на территорию алгоритмов? Вы знакомы с хозяином вечера?

Он едва заметно кивнул в центр зала. Эва проследила за его взглядом.

В самом эпицентре бархата, бриллиантов и туго завязанных галстуков-бабочек стоял мужчина, который абсолютно, демонстративно выбивался из жесткого светского протокола. Ему было около сорока, но благодаря легкой, пружинистой осанке он казался моложе. Вместо смокинга на нем были дорогие, чуть потертые темные джинсы, идеально сидящая мягкая рубашка глубокого синего цвета с расстегнутым воротом и небрежно наброшенный пиджак. Он смеялся чему-то своему, держа бокал с водой, и от него исходила такая спокойная, стопроцентная уверенность, которую невозможно было купить ни за какие деньги.

— Марк Демидов, — с невольной ноткой восхищения в голосе пояснил Родион. — Гений нейросетей, разработчик программ внедрения искусственного интеллекта в сотни бизнесов, а по совместительству — хозяин этого вечера. Человек, который внедряет свои системы за такие суммы, что даже спонсоры наших масштабных проектов кажутся на его фоне бедными родственниками. И при этом принципиально игнорирует дресс-коды. Странно видеть вас на его празднике жизни.

— Музыка — это тоже в своем роде чистая математика, Родион Казимирович, — спокойно парировал Федор, не поддаваясь на скрытую провокацию. — По крайней мере, именно к такому заключению мы с Марком пришли в пору студенческой юности. Вы не знали, что он учился у нас в Питере?

— Только не говорите, что Демидов тоже закончил консерваторию! — Родион уважительно, хотя и несколько настороженно приподнял бровь, явно переоценивая статус Федора в своей мысленной картотеке. Эва сразу отметила, что этот человек привык владеть всей информацией обо всех, и тот факт, что Федору удалось его удивить, заставил Эву внутренне усмехнуться. — Не переживу, если окажется, что у нас в руках была такая инфобомба, а мы ее не использовали.

— Это был бы перебор музыкантов на квадратный метр. Но его радиофизика никогда не конфликтовала с нашей студенческой дружбой.

— Что ж, мир иногда бывает неожиданно тесен, — улыбнулся Родион. — А вы снова с концертом? Как это я пропустил такое событие? Вы же теперь звезда.

— Куда мне до ваших звезд, — подмигнул ему Федор, переведя взгляд на приближающуюся Анну Платонову.

Лицо главной телезвезды страны было ослепительным. Ей было тридцать пять, но время словно не имело над ней власти: фарфоровая, сияющая кожа не тронута ни единой морщинкой, осанка безупречна, а легкая полуулыбка источала холодное, недостижимое совершенство. Эва невольно почувствовала легкий женский укол, вспомнив о первых тонких «гусиных лапках», которые недавно заметила у собственных глаз.

Снежана могла сколько угодно копировать стиль Анны — прическу, жесты, этот выверенный холод. Но сейчас разница была очевидна. Снежана оставалась искусной копией, тогда как Платонова была оригиналом.

И дело было не во внешности. В Анне чувствовалось истинное, врожденное достоинство королевы, которое невозможно сыграть.

Платонова остановилась рядом с ними.

— Эва.

Бархатный низкий голос срезонировал с чем-то очень древним внутри солнечного сплетения. Эва понимала, почему у мужчин при ее появлении перехватывало дыхание.

Эва приподняла подбородок и повела бровью.

— Анна.

Год назад эта женщина разобрала ее жизнь на части — аккуратно, как скальпель хирурга препарировав историю первого брака с французским аристократом Арно и поспешность свадьбы с Федором.

Это ее голосом на всю страну прозвучало, что у Эвы никогда не будет детей.

Тем же голосом — о пропавшем ключе работы Веве. И об убийстве ведущего накануне их свадьбы.

Эва ненавидела этот голос. И эту безупречную в своей красоте холодную улыбку.

И все же. Анна не солгала. Это и было самым неудобным. Она просто делала свою работу профессиональнее, чем остальные. И это Анна раскрыла тайну исчезновения ключа, пока они сами расследовали убийство и личную трагедию семьи Федора. Тогда казалось, что жизнь закончилось. Но оказалось, что она только начиналась.

Эва помнила, как в конце концов сама пригласила на свадьбу Анну вместе со съемочной группой после многочисленных попыток удержать это внутри семьи.

Закрывать. Замолчать. Оставить за тяжелыми дверями затерянного в лесах замка.

Но Анна открывала любые двери. Даже те, к которым не было ключей.

К чести Платоновой Эва была вынуждена признать, что теледива тактично покинула замок сразу после того, как получила эксклюзивные кадры.

Эва только сейчас поняла, насколько же они с Анной были похожи — в настойчивом упорстве, и в том, что любая правда лучше жизни в иллюзии. Эва не считала легкость скрипок удачей девушек-скрипачек. Она знала, что ценой изящных звуков были, как минимум лет пятнадцать учебы и жесткие мозоли на хрупких шеях, которые девушки прикрывали шелком.

Мысли Эвы прервало легкое оживление в центре зала. Марк Демидов, вежливо, но решительно прервав разговор с каким-то чиновником, вдруг отделился от толпы инвесторов и направился прямо к их небольшой группе.

Эва чуть отступила, готовясь к приветствию старых друзей. Федор тоже приветственно приподнял бокал, отвечая на широкую, искреннюю улыбку Марка.

Но в следующее мгновение Эва, привыкшая считать мельчайшие, невидимые глазу детали, уловила странный нюанс. Вектор движения Демидова, фокус его темных, смеющихся глаз — все это было направлено не на Федора. Марк шел к Анне.

И что еще более удивительно — Платонова это знала.

Эва стояла достаточно близко, чтобы заметить, как дрогнули безупречно накрашенные ресницы телезвезды. На какую-то долю секунды, совершенно неуловимую для объективов светских хроникеров, ледяная броня Анны дала трещину. В ее глазах, устремленных на приближающегося Демидова, вспыхнуло нечто настолько пронзительное, жадное и незащитное, что Эва невольно отвела взгляд, словно случайно подсмотрела чужую, слишком интимную тайну. Это было сродни тем самым кровавым мозолям под шелковым шарфом — тщательно скрываемая, пульсирующая боль живого сердца под глянцевым панцирем статуса.

— Федя! Я так рад — голос Марка был громким, лишенным светской чопорности. Он крепко, по-мужски обнял Федора, кивнул Эве и коротко бросил, как он рад, что им удалось выбраться из питерских туманов. Она как раз хотела пошутить про то, что вокруг замка Аброжевских туманов не меньше, но Марк уже сосредоточился на лице Анны.

— Анна, ты как всегда безупречна. Только ради этой встречи стоило организовать этот праздник.

Он обернулся к ним с Федором и по мальчишески взъерошил свои темные чуть выющиеся волосы.

— Ну и ради того, чтобы эти двое не удрали в свой отпуск, не повидавшись со старым другом.

— Вот как? — Анна переводила изумленный взгляд с них на Марка и Эве захотелось понять, что именно так удивило Платонову.

Эве даже показалось, что возможно, эти двое связаны чувством более тонким, чем дружба. Но Марк вдруг спросил:

— А Константин не пришел? Я думал, вы будете вместе.

— Мы планировали, но у него что-то на стройке. Запускает новый микрорайон и пока пропадает днями и ночами среди своих котлованов.

— Нельзя оставлять столь красивую женщину одну на целый вечер. Так и передай ему, Анна.

— А разве она здесь одна? — вдруг вмешался Родион. — Кстати, Аня, он будто вспомнил что-то между делом, повернул голову чуть в сторону:

— Зайди завтра. Есть предложения по оптимизации эфирной сетки. У тебя такая нагрузка, а еще все эти мероприятия. Слишком плотный график, надо пересмотреть.

— Хорошо, Родион Казимирович. Но я справляюсь.

Эва замерла. Значит, вот кто решает, когда Анна выходит в эфир. Платонова едва заметно кивнула. И только на долю секунды в ее взгляде мелькнуло что-то чужое — не холод, не раздражение... скорее, короткое внутреннее сопротивление.

В этот момент Снежана чуть качнулась вперед, задев каблуком край ковра. Бокал в ее руке дрогнул, на долю секунды задержался в воздухе — и выскользнул, расплескав брызги на гостей.

Звонкий удар о мрамор. Хрупкий, чистый звук разбитого стекла.

— Ой...

Она подалась вперед, теряя равновесие и инстинктивно ухватилась за ближайшую опору, но вместо руки Анны, этой опорой оказалась сумочка телеведущей.

Тонкая цепочка звякнула, не выдержав. Сумочка с мягким звуком упала на пол и из нее высыпалось содержимое. Эва постаралась не смотреть на личные вещи теледивы. Родион оказался между женщинами первым.

— Осторожно. — Он взял Анну за локоть, чуть развернул, закрывая ее от чужих взглядов и внимательно посмотрел на лицо. — Ты не поранилась? Не хватало мне еще осколков рядом с лицом звезды телеканала. А ты, Снежана, осторожнее будь, А то, кто-нибудь решит, что телеведущие, как балерины, сыпят стекло соперницам в пуанты.

— А мы соперницы? — приподняв бровь и спокойно глядя в глаза шефу, уточнила Анна.

— Надеюсь, что нет, — рассмеялся Родион.

Снежана уже опустилась на колени, собирая содержимое сумочки Анны обратно.

— Прости, я... я не удержала равновесие... С кем угодно может случиться.

Девушка наконец выпрямилась и протянула Анне сумочку.

— Прости. И хорошо, что у нас нет пуантов. Правда? И дурацкого соперничества. — Она нервно улыбнулась и порывисто обняла Анну, словно они были подругами. Платонова обняла девушку в ответ. Если бы Эва не видела их до того, эти двое вполне могли сойти за подруг, несмотря на десять лет разницы в возрасте. Но Эва видела. И уже уловила напряжение между женщинами.

— Пойдемте ближе к сцене, здесь сейчас все уберут. А нам пора начинать, — Марк сделал легкий галантный поклон обеим женщинам и взяв под руки двух телеведущих прошел в центр. Эва и Федор хотели последовать за ними, но их перехватил директор филармонии.

И пока Федор общался по поводу запланированного на осень концерта, Эва временами кивала невпопад, не в силах отвести взгляда от двух красивых женщин за одним столиком с Марком.

Совершенно очевидно, что настоящей звездой этого вечера была Анна. И это невыносимо раздражало Снежану, как бы та ни старалась скрыть свои эмоции за новым бокалом шам-

панского. Платонова небрежным жестом поставила свой крошечный бархатный клатч на самый край стола, замком к себе, и полностью переключила внимание на Марка Демидова.

Вокруг хозяина вечера и главной телезвезды страны постоянно кто-то крутился. Вот к их столику подошел тучный мужчина в смокинге. Он шумно поздоровался, наклонился и по-свойски, широко обнял Анну, загоразивая ее своей массивной спиной.

На несколько долгих секунд столик полностью скрылся из вида. Вокруг образовалась плотная людская пробка: мелькали дорогие пиджаки, кто-то смеялся, официанты с подносами лавировали между гостями, а Снежана, оказавшись зажатой в этой толпе, как раз протискивалась мимо кресла Анны.

Эва продолжала вежливо улыбаться директору филармонии, наблюдая за этим броуновским движением. Наконец, тучный мужчина выпрямился, людское море чуть расступилось, и обзор снова открылся. Анна по-прежнему сидела с идеальной осанкой, сдержанно улыбаясь Марку. Снежана стояла чуть поодаль, напряженно сжимая в руках свой телефон.

Все было как прежде. Идеальная глянцевая картинка.

Но Эва была антикваром и ее мозг был натренирован фиксировать малейшие изменения в пространстве. Она вдруг нахмурилась. Ее взгляд скользнул по столешнице и остановился на бархатном клатче Анны.

Сумочка стояла иначе. Она была сдвинута на пару сантиметров вправо, изменив угол. А ее тугая золотистая защелка теперь была едва заметно приоткрыта.

Глава 2. Запах цветущих яблонь

Утреннее солнце, щедрое и по-майски теплое, заливало старинную столовую замка Амброжевских, играя золотыми бликами на тяжелых столовых приборах. Впрочем, называть это время утром было бы серьезным преувеличением. Эва и Федор приехали в замок глубоко за полночь, уставшие, но счастливые, и спустились вниз, когда время завтрака плавно, но неумолимо перетекало в обед. Правда, у них здесь были свои небольшие поблажки и Оксана тут же принесла завтрак, не напоминая, что его время давно закончилось.

Столовая изменилась. Раньше здесь царила гулкая музейная тишина, нарушаемая лишь шагами да тихим звоном чашек. Теперь же просторный зал напоминал хороший европейский ресторан. Вдоль стрельчатых окон выстроились аккуратные столики, за которыми оживленно переговаривались несколько пар. Вдоль стены у двери в Голубую комнату появилась новая барная стойка из массивного резного дуба. Приветливый незнакомый парень улыбнулся и спросил, какой кофе им сделать.

Гостиничное крыло замка больше не пустовало. С тех пор, как родовое гнездо Амброжевских стало постоянным фигурантом скандальных новостных сводок и криминальных хроник, интерес к замку-музею возрос многократно. Людям хотелось прикоснуться к тайне, выпить кофе там, где разворачивались настоящие драмы, и сделать селфи на фоне старинной кладки. Замок потерял свое уединение, расплатившись им за популярность.

Эва сделала глоток обжигающего эспрессо и чуть поморщилась от взрыва смеха за соседним столиком.

— Знаешь, — Федор перехватил ее взгляд и накрыл ее руку своей. — Я все чаще думаю о том, что нам нужен свой собственный, запасной аэродром. Небольшой, уютный домик где-нибудь у реки. Желательно так близко к Олегу и Юле, чтобы можно было ходить к ним в гости пешком, и так далеко от туристических троп, чтобы по утрам слышать только птиц, а не шелканье камер смартфонов.

— Звучит как идеальный план для старости, — улыбнулась Эва, поглаживая большим пальцем теплое золото своего обручального кольца. — А мы с тобой только два года, как женаты.

— Это потому, что я уже определился, с кем рядом хочу встретить свои почтенные годы. Он понизил голос и глядя в глаза жене произнес:

— Я так счастлив, что тогда мы с тобой не побоялись сделать шаг навстречу друг другу.

— Согласна. Этот замок слишком красив, чтобы принадлежать только нам, но делиться своим отпуском с половиной страны я пока не готова.

Она перевела взгляд на высокие окна. За витражным стеклом звучал май. Старый замковый сад утопал в белой пене цветущих яблонь, распространяя вокруг себя весеннее благоухание.

— Смотрю на эти цветы и не верю, что прошло уже два года, — тихо произнесла Эва. — Помнишь ту ночь? Нашу брачную ночь.

Федор усмехнулся, откидываясь на спинку стула:

— Такое не забывается. Минус шесть градусов в середине мая. Вместо шампанского и шелковых простыней — костры, дымовые шашки и забеги с ведрами воды до самого рассвета. Мы спасали этот сад так, будто от него зависела наша собственная жизнь.

— Мне казалось так и было. И сад мы спасли, — Эва задумчиво смотрела на цветущие ветви хорошо просматриваемые через окно с их столика.

— Иногда, чтобы спасти что-то по-настоящему ценное, нужно вовремя признать, что ударил мороз.

Она замолчала, думая о том, что этот спасенный, отогретый сад был куда честнее и живее, чем многие люди, которых она знала. Семья Федора, казавшаяся когда-то образцом интеллигентной преданности друг другу, оказалась с изъязмами, покрытыми старыми, кровоточащими ранами. Теперь Эва точно знала, что скрывалось за идеально ровными спинами и поджатыми губами родителей мужа. Это была вовсе не выдержка старой профессорской четы. Это была глухая, отчаянная оборона. Тайна рождения внебрачного ребенка, которую они оба — каждый по-своему — несли на своих плечах больше тридцати лет, отравляя жизнь себе и сыну.

Они так боялись потерять лицо, что едва не потеряли семью.

— О чем задумалась? — голос Федора вырвал ее из оцепенения. В его глазах больше не было той застарелой, глухой боли, с которой он приехал в этот замок впервые. Зато теперь в них плясали смешинки.

— О твоём брате, — честно призналась Эва. В этот момент на столе коротко завибрировал смартфон Федора. Эва привычно потянулась к нему и, не задумываясь, разблокировала экран — за эти два года их границы стали настолько общими, что пароли друг друга они вводили совершенно на автомате.

— Юля прислала видео в семейный чат, — Эва невольно улыбнулась, глядя на экран сама и показывая его тут же мужу. — Олег учит Витю собирать пирамидку. Кажется, у сурового майора юстиции это получается хуже, чем у годовалого парня.

Федор рассмеялся — искренне, свободно, привлекая к их столику несколько любопытных взглядов.

— Знаешь, моя логика сломалась в прошлом месяце, когда мы праздновали его тридцать восьмой день рождения. Я до сих пор пытаюсь привыкнуть к тому, что у меня, оказывается, есть старший брат, о существовании которого я не подозревал тридцать шесть лет.

— И как тебе живется в статусе младшего? — Эва с удовольствием поддержала эту пикировку, возвращая телефон мужу. — Тебя не ущемляет, что теперь есть кто-то, кто имеет полное генетическое право давать тебе непрошенные жизненные советы?

— В конце концов, — Федор подмигнул ей, — кто-то же должен компенсировать мою безупречность.

Эва рассмеялась, чувствуя, как внутри разливается приятное, спокойное тепло. Иллюзии разрушились, обнажив правду, но эта правда, какой бы горькой она ни была в начале, в итоге сделала их свободными. Теперь Федор и Олег созванивались по несколько раз в неделю и суровый капитан, ставший за это время майором, во время видеозвонков нежно поглаживал засыпающего на руках сына.

Она хотела сказать Федору что-то еще, но в этот момент мужчина за соседним столиком, взглянув на часы, попросил бармена включить новости и просторный зал столовой наполнился поставленным дикторским голосом Снежаны.

На экране молодая телеведущая безупречно отчеканила сводку о встречах высокого руководства, о заседаниях и экономических форумах. Но затем камера взяла крупный план, и Эва, бросившая случайный взгляд на плазму, вдруг заметила, как изменилось лицо девушки. Ее глянцева, выверенная маска внезапно дала трещину. Снежана судорожно сглотнула, словно ей не хватало воздуха, и, сменив деловой тон на тревожный, произнесла:

— И к новостям, за которыми сегодня следит вся страна... Этой ночью на двадцать пятом километре брестской трассы произошла страшная авария.

Картинка студии исчезла. На экране появились кадры оперативной съемки. Серая, зябкая утренняя дымка стелилась над мокрым асфальтом. В глубоком кювете, среди изломанных, содранных стволов деревьев, лежал бесформенный, искореженный кусок металла. В этой чудовищной груде железа было почти невозможно узнать элитный спортивный автомобиль. Передняя часть машины была буквально вмята в салон. Вокруг мелькали проблесковые маячки скорой помощи и милиции.

Голос Снежаны за кадром дрогнул, и Эва могла бы поклясться, что этот страх не был прописан в суфлере:

— За рулем находилась наша коллега, главная звезда национального эфира Анна Платонова. По предварительным данным следствия, автомобиль на огромной скорости потерял управление и вылетел с трассы. Спасателям понадобилось больше часа, чтобы извлечь Анну из покореженного салона.

Смех за соседними столиками в столовой оборвался. Люди замерли, глядя на экран. Федор опустил чашку на блюдце.

— В настоящий момент Анна Платонова доставлена в реанимацию в состоянии глубокой комы, — голос Снежаны стал глухим. — Врачи борются за ее жизнь, но... по словам медиков, шансы на спасение критически малы. Мы будем следить за ситуацией и надеяться на чудо, которое вернет нам нашу дорогую Анну.

Трансляция вернулась в студию. Лицо Снежаны было белым как мел.

Эва сидела неподвижно. Весеннее солнце по-прежнему заливало столовую золотом, из приоткрытого окна долетал дурманящий запах цветущих яблонь, но внутри у нее все зазеленело. Перед глазами, перекрывая страшные кадры искореженного металла, вдруг с кристальной четкостью всплыла картинка со вчерашнего вечера.

Сияющий зал, блеск хрусталя и мерцание тысяч свечей. Марк Демидов. Напряженная Снежана. Наблюдающий Родион. Улыбающаяся Анна. И ее крошечный бархатный клатч на краю стола, золотистая застежка которого была предательски, едва заметно приоткрыта.

Но все это оказалось теперь неважно. Потому что, что бы не происходило между этими четырьмя, все померкло на фоне искореженной груды металла.

Федор медленно выдохнул. Он перевел взгляд с экрана на побледневшую жену и осторожно, возвращая ее в реальность, накрыл ее ледяные пальцы своей теплой ладонью.

— Она не была нашей близкой подругой, Эва, — тихо произнес он. — Но это... это просто чудовищно. Всего несколько часов назад она казалась воплощением жизни.

Эва прерывисто вздохнула, пытаясь сбросить оцепенение. Мозг требовал срочно переключиться на какое-то простое, механическое действие.

— Мне нужно позвонить, — она беспомощно похлопала по карманам пиджака. — Я должна была набрать галерею еще утром... Номер куратора только в моем. Кажется, я оставила его наверху, в комнате. Я сейчас сбегаю.

Она уже готова была вскочить из-за стола, но Федор мягко удержал ее за руку. Он чуть подался вперед, интимным, полным нежности жестом заправил выбившуюся прядь ей за ухо, успокаивая, и свободной рукой достал из внутреннего кармана своего пиджака ее смартфон.

— Кое-кто забыл его не в номере, а на сиденье в машине, когда мы приехали, — его голос звучал обволакивающе и мягко. — Но, к счастью, у этого «кое-кого» есть невероятно заботливый муж. Который не только забрал его, но и успел зарядить ночью.

Эва благодарно сжала его пальцы, взяв телефон. Этот простой, бытовой жест любви и защиты сейчас был нужен ей как воздух.

Она отодвинула от себя тарелку с недоеденным завтраком. Аппетит исчез без следа. Эва подняла невидящий взгляд на экран плазмы, где выпуск новостей уже сменился экстренным спецвыпуском, посвященным Анне Платоновой.

Телеканал оперативно смонтировал нарезку из ее лучших эфиров. С экрана смотрела ослепительная женщина: ее выверенные улыбки, ее бархатный смех, уверенный взгляд прямо в камеру. Ведущие в студии, сменяя друг друга, брали интервью у приглашенных гостей. Как-то люди рассказывали, как Анна помогла им с лечением детей, как бесстрашно вмешивалась в дела, как добивалась справедливости там, где остальные опускали руки.

Они говорили правильные, красивые слова. Но Эве вдруг стало физически дурно от одной крошечной, но страшной детали.

Все эти люди говорили об Анне в прошедшем времени. «Она была... Она добивалась... Мы ее так любили...»

Они говорили так, словно Платоновой уже нет. Словно глубокая кома — это лишь формальность перед тем, как окончательно вычеркнуть ее из списков живых и поделить эфирное время.

Эва смотрела на сияющее лицо Анны на экране и чувствовала, как к горлу подступает тугой комок. Вчера вечером эта женщина блистала на приеме и все взгляды неминуемо возвращались и замирали на ней. Она была живой, уязвимой, смотрящей на Марка Демидова с такой щемящей нежностью. И Эва с удивлением поймала себя на мысли: несмотря на всю боль, которую Анна причинила ей в прошлом, вытряхнув содержимое ее жизни в прямом эфире, вчера Эве было по-настоящему приятно видеть Анну. Она уважала ее. За принципиальность. За честность. За профессионализм. И за невысказанное благородство, которое проявила в конце концов Платонова два года назад, рассказывая об их свадьбе.

Эва открыла телефон и полистала ленту. Везде мелькало знакомое лицо. Каждый посчитал необходимым выложить фото со звездой, которую возможно они больше не увидят.

— А у нас нет фото, — заметила Эва. Хотя и есть сотни минут эфиров и выпусков, где она сперва рассказывала об убийствах в замке, о любовнице Арно, о ее чудовищном плане, о ненайденных сокровищах. О нас с тобой...

— И потом об убийстве Андрея Рудницкого, нашей свадьбе, и о том, что капитан Савицкий, раскрывая сотни преступных схем, однажды наткнулся на фото моей матери, сделанное здесь почти 40 лет назад.

— Я думала, он никогда не простит Наталью Алексеевну...

— Ну... мамой он ее так и не назвал. Зовет по-прежнему Натальей, как ты заметила. Но зато для его Вити она просто бабушка. И мой крестник не задумывается, что на детских фото папы этой бабушки нигде нет.

— Это пока он не задумывается. Да и целиком произнести слово бабушка ему еще не по силам. Однажды он задаст все эти вопросы. Также как задавала я, попав в этот замок впервые и обнаружив, что моя семья оказывается неразрывно связана с родом Амброжевских, а я никогда не знала собственных корней.

— За эти три года, что мы знакомы, твой русский стал настолько безупречным, что иногда я забываю, что ты родилась во французском Лионе и однажды в ураган случайно забрела сюда. Но ты совсем не слушаешь меня, Эва...

Он не успел закончить фразу, потому что Эва нахмурила лоб, сосредоточившись на чем-то в телефоне.

Смахнув очередную лицемерно-скорбную публикацию светского хроникера, она вдруг заметила уведомление о неп прочитанном сообщении. Оно пришло в мессенджер с незнакомого номера. Судя по времени доставки — глубокой ночью, когда телефон Эвы, забытый на сиденье автомобиля, уже разрядился, а они с Федором только-только заходили в замок.

Эва коснулась экрана, открывая диалог.

Первой загрузилась фотография. Качество было не идеальным, снято явно в полутьме автомобильного салона на камеру смартфона, но глаз профессионального антиквара мгновенно выхватил суть. На женской ладони лежал необычный, потемневший от времени артефакт. Тяжелый кулон, искусно отлитый в форме архаичной лодки, на носу которой замерла птица. Грубоватая, но завораживающая работа. Вещь дышала такой седой древностью, что у Эвы перехватило дыхание.

Секундой позже под фотографией высветился текст. Короткий, набранный явно в спешке.

«Эва, это Анна Платонова. Извините за поздний час, ваш номер мне дал Марк. Одна вещь не дает мне покоя. Я знаю, что мы не подруги, но я бы хотела встретиться с вами завтра

утром, чтобы вы посмотрели на эту вещь. Выезжаю в замок и планирую к утру быть у вас. Я хочу вам показать кое-что недалеко от замка. Мне кажется, это важно...»

На этом сообщение обрывалось. Ни точки, ни продолжения.

Эва перевела взгляд на время отправки. 02:14.

Сердце пропустило удар и тяжело ухнуло вниз. Сводки в утренних новостях были сухими и безжалостными: спасатели прибыли на двадцать пятый километр брестской трассы около половины третьего ночи.

Эва подняла глаза на Федора. В просторной столовой замка пахло цветущими яблонями, свежесваренным кофе и теплой выпечкой. А у нее в руках, на светящемся экране телефона, было застывшее мгновение — последняя связная мысль женщины, которая прямо сейчас, опутанная трубками, умирала в реанимации.

Анна не справилась с управлением не потому, что была уставшей или невнимательной. Она, должно быть, писала это сообщение из машины. Смотрела на этот древний кулон. Что-то заставило ее сесть ночью за руль и выехать в сторону замка, хотя дорога заняла бы не меньше трех-четырёх часов.

— Эва? — Федор настороженно подался вперед, заметив, как побелело лицо жены. — Что случилось?

Эва медленно повернула к нему экран телефона, чувствуя, как вчерашняя фальшь зала светских приемов окончательно рушится, обнажая под собой смертельно опасную, древнюю тайну.

— Стучилось что-то, Федор, — тихо ответила она, — Анна ехала к нам. Сюда, в замок...

Глава 3. На глубине

Стерильный запах больничных коридоров безжалостно вытеснил из памяти Эвы дурманящий аромат цветущих замковых яблонь. В палате интенсивной терапии царила своя, пугающая математика: ритмичный звук кардиомонитора, мерное шипение аппарата искусственной вентиляции легких и ровные зеленые графики, в которые теперь превратилась жизнь главной телезвезды страны.

Олег Савицкий сдержал слово. Его статус майора юстиции, железобетонная репутация и суровое, не терпящее возражений выражение лица позволили провести Эву за матовые двери, куда обычно пускали только самых близких родственников. К тому же, ночное сообщение в телефоне Эвы перевело эту аварию из разряда несчастных случаев в категорию потенциального уголовного дела. Правда, понимали это пока только они. Столичный следователь лишь покачал головой:

— Мы подняли камеры на дороге. Перед машиной выскочил лось. Платонова уходила от столкновения со зверем, который проплыл в дымке дороги и исчез в лесу с другой стороны. А ее машину отбросило в отбойник, потом она перевернулась несколько раз до того, как оказалось в кювете. Женщина просто не справилась с управлением в сложной дорожной ситуации.

Эва остановилась у кровати, чувствуя, как к горлу снова подступает тяжелый, колющий ком.

От блистательной Снежной королевы, которая еще позавчера ловила восхищенные взгляды инвесторов в залах приемов, не осталось почти ничего. Лицо Анны — то самое безупречное, фарфоровое лицо, которому безоговорочно верили миллионы зрителей, — было скрыто под плотной глухой маской из бинтов и фиксирующих пластырей. Тонкие пластиковые трубки змеились по ее рукам, исчезая под казенной больничной простыней.

Единственным, что осталось неизменным, было царственное спокойствие ее фигуры. Только теперь это был покой не победительницы, а пленницы изувеченного тела.

Эва осторожно, боясь потревожить сплетение проводов, опустилась на стул рядом с кроватью. Она достала свой телефон и в который раз открыла ночное сообщение. Фотография темного кулона с лодочкой и замершей на носу птицей манила своей неразгаданной, седой тайной.

«Что ты нашла, Анна? Куда ты влезла?» — мысленно спросила Эва, вглядываясь в архаичные, грубые линии артефакта.

Майор Савицкий, хмуро наблюдавший за ней от дверей палаты, кивнул на прозрачный пластиковый пакет, лежавший на металлическом столике у аппарата ИВЛ.

— Вещи из ее сумочки и салона машины. Следователь собирается передать их Константину Лебедеву. Тот примчался со своей стройки, как только узнал, сейчас оформляет какие-то бумаги в ординаторской. Личные вещи жертвы рядового ДТП... Кем бы эта жертва ни была в своей блистательной жизни.

Эва пододвинула пакет к себе. Сквозь плотный пластик тускло блеснул темный металл. На ее руку лег потемневший от времени кулон. Вживую он казался еще более тяжелым и древним. Грубая лодочка, гордая птица на носу — символ проводника душ, символ перерождения. Древний артефакт созданный каким-то мастером тысячу лет назад. Как он попал к Анне?

Возможно, эта древняя лодочка была символом какого-то рода, который пришел из-за большой реки и лодка стала знаком перехода и новой жизни. Пусть она снова станет символом спасения. Пусть Анна живет. Эва почувствовала дрожь в кончиках пальцев и опустила кулон на серую медицинскую тумбу рядом с кроватью.

Анна действительно нашла нечто поразительное и держала это при себе до самой катастрофы. И зачем-то ехала с ним к Эве. Ночью.

Эва сама слышала, что Платонова обещала утром зайти к Родиону Казимировичу. Значит, она не планировала никуда ехать ночью. Но почему-то выехала из города ближе к двум часам ночи. А потом в 2.14, будучи уже на трассе, написала это сообщение Эве.

Они не были даже приятельницами. У них даже не было номеров телефона друг друга. Но она зачем-то попросила ее номер у Марка в такое время. Федор звонил ему вчера и теперь они знали, что Анна написала ему около часа ночи и попросила прислать контакт Эвы.

Эва еще раз коснулась холодного металла и взглянула на молчаливую, закутанную в бинты фигуру на кровати.

Она открыла снова пакет с вещами. Сумочка. Простая лаконичная черная женская сумка из премиальной кожи, а не тот крошечный бархатный клатч, с которым Анна была на приеме. Значит она успела заехать домой и переодеться, но потом что-то заставило ее снова выйти из дома и сесть за руль.

Взгляд Эвы вдруг зацепился за другой, совершенно обыденный предмет на дне пакета. Небольшая пластиковая бутылка дорогой минеральной воды. Она почти не пострадала, лишь пластик чуть смялся от удара, а внутри плескалась кристально чистая жидкость. Крышка была вскрыта и в бутылке не хватало совсем немного воды.

В голове Эвы мгновенно вспыхнуло воспоминание. Вчера ночью, выходя из сияющего зала приемов, она выбросила в урну на парковке бумажную салфетку. И ее взгляд — вечная привычка антиквара фиксировать малейшие несоответствия — упал на выброшенную, абсолютно новую бутылку воды точно такой же элитной марки. Крышка была вскрыта и в бутылке не хватало буквально нескольких глотков воды. Федор тогда еще тихо рассмеялся, обнимая ее за плечи и увлекая к машине: «Эва, умоляю, не трать свою дедукцию на разгадывание тайны мусорного бака. Кто-то просто не захотел везти лишнюю воду в салоне».

Холодок, пробежавший по спине Эвы, стал ледяным. Несоответствия всегда пугали ее. Также как и некоторые соответствия. Выброшенная на парковке почти полная бутылка воды премиального бренда казалась странной. Но еще более чужеродной казалась эта, вторая, почти целехонькая бутылка с чуть отпитой водой, извлеченная из страшного кровавого месива, в которое превратился спорткар. Эва обернулась на Олега и увидела, как из-за его спины возникло лицо Федора.

И сразу же в комнату вошла медсестра.

— Вещи забирать будете?

— Какие вещи? — неуверенно переспросила Эва.

— Эти, — кивнула на пакет медсестра. — Вы сестра?

Эва неопределенно пожала плечами.

— Сестра, — ответил за нее от двери Олег.

— Ну так и забирайте. Здесь нельзя дольше находиться. Вам и так врач разрешил эти пять минут в виде исключения.

— Я думала, Константин Лебедев заберет, — вспомнила Эва вчерашнее имя, прозвучавшее рядом с именем Анны.

— Он уже уехал. Оплатил для нее лучшие палаты, как будто мы бы и так ее не положили в лучшие. Настоял чтобы ее после реанимации перевели в платное отделение. А к ней не зашел. Сказал, что не может видеть ее в таком состоянии. Да и она бы этого не хотела.

Эва сглотнула подступившие к горлу слезы и кивнула. Да, Анна бы не захотела.

Медсестра проверила датчики и строго посмотрела на Эву:

— Вам одна минута. Как будете уходить, прикройте дверь. Одноразовые халаты выбросите внизу.

Эва подошла ближе к кровати и тихонько, одними кончиками пальцев коснулась бледной, безвольной руки телеведущей. Кожа была пугающе прохладной.

— Я не знаю, слышишь ли ты меня...

Эва наморщила лоб, услышав как ее тихие слова разрезали больничную тишину.

— Мы с тобой никогда не были подругами, Анна. Но ты точно не заслужила этой темноты. Я обещаю тебе: когда ты выйдешь отсюда, мы вместе разгадаем с тобой историю старого кулона. Только, пожалуйста... не сдавайся. Это очень старая вещь, ты нашла настоящее сокровище. Наверное, ты и сама это поняла. Точнее я смогу сказать, когда проведем экспертизу. Это очень редкая вещь.

У Эвы выступили слезы, но голос не дрогнул.

— Судя по всему, примерно IX-XI век, не позже. И я теперь знаю, что эта вещь что-то для тебя означала. Иначе, ты бы не выехала в ночь после приема на трассу.

Она смотрела на неподвижную фигуру Платоновой, собираясь уходить, как вдруг ее натренированный на поиск мельчайших деталей взгляд уловил едва заметное изменение.

Сначала дрогнул график на мониторе — зеленый луч пульса совершил короткий, нервный скачок, нарушив монотонный ритм. А затем Эва увидела это.

Под тонкими, почти прозрачными веками Анны, окруженными страшными лиловыми гематомами, началось быстрое, лихорадочное движение зрачков. Ее пальцы, секунду назад безжизненно лежавшие под рукой Эвы, вдруг слабо, но отчетливо дрогнули. Они судорожно сжались, словно Платонова прямо сейчас пыталась за что-то ухватиться в своей спасительной темноте. За край ее одежды? Понимала ли Анна, что говорила ей Эва? Слышала ли ее?

Врачи говорили о глубокой, безнадежной коме. О полном отсутствии рефлексов. Но Эва, затаив дыхание, отчетливо видела: Анна не просто лежала в пустоте. Там, по ту сторону своего беспробудного сна, она прямо сейчас на что-то смотрела. Она что-то переживала. И это «что-то» заставляло ее сердце биться быстрее.

Глава 4. Лотос в тумане

IX век. Земли дреговичей.

Густая, почти осязаемая молочная дымка тяжело висела над черными водами Ясельды. Река, извилистая и коварная, словно живой змей, несла их челн сквозь камыши в абсолютной, звенящей тишине. Ясельда вела их сквозь низинные топи, где вода и земля давно перестали быть разными стихиями. Слышался лишь едва уловимый всплеск воды, когда весло мягко, без единого стука о деревянный борт, погружалось в глубину.

Болота кормили их и защищали. Чужие в них гибли быстрее, чем в открытом бою. По этим водам, как говорили старики, когда-то шли купцы с янтарем, связывая север и юг, а теперь по ним плыла она — спасти городище ради той, что когда-то спасла ее.

В узкой славянской лодочке-долбленке, выпрямив спину так, словно проглотила железный прут, сидела молодая княгиня Мара. Под ее тяжелым шерстяным плащом крупной дрожью билось сердце, но на бледном, осунувшемся лице застыло выражение ледяной жертвенной решимости.

Там, позади, за пеленой тумана, остался ее терем. Остался спящий в теплой постели пятилетний сын, чьи разметавшиеся русые волосы она в последний раз поцеловала всего два часа назад. Остался князь Тихомир, сжимающий рукоять меча до побелевших костяшек.

Времени больше не было. Всего в одном дне конного пути от их городища черной саранчой надвигалось могущественное войско кочевников. Дозорные принесли страшную весть на закате: врагов было так много, что даже если раздать копья и топоры всем женщинам и старикам, армия чужаков все равно будет превосходить их в три раза. Это была верная, неминуемая смерть. Княжеский двор сожгут, мужчин вырежут, а ее сына превратят в раба.

Поэтому вчера вечером Мара, велев страже никого не пускать в свои покои до самого рассвета, под предлогом долгих молитв богам о спасении, спустилась в сырую, пропахшую тиной шахту. Тайный ход, служивший для подачи в терем воды во время осад, вывел их к скрытой в камышах лодке.

Мара бы не осмелилась на такое одна. Но за ее плечом, на корме, мерно и беззвучно опуская весло в черную воду Ясельды, сидела та, кого в тереме со страхом и трепетом называли Тенью.

Много лет назад, накануне своей свадьбы, Мара увидела, как чужеземные торговцы сбросили с телеги у ворот их поселения бесформенный, окровавленный куль. Девушка. Без имени, без сознания, страшно обезображенная и умирающая после какой-то жестокой, варварской казни. Мужчины из дружины отца брезгливо морщились, предлагая поскорее избавиться от обузы, отдав ее на съедение волкам, чтобы чужая смерть не навлекла гнев богов на грядущий союз.

Но юная Мара, переполненная предчувствием собственного счастья, не могла позволить кому-то умереть в такой день. Она велела лучшим лекарям выходить несчастную, приказав заботиться о ней так, словно это была не изувеченная чужачка, а диковинная, раненая птица. Мара верила, что милосердие задобрит богов.

Через год, навестив родителей, молодая княгиня забрала выжившую девушку с собой в новый терем и никому не сказала, что она и есть та выжившая. Она дала ей имя — Донна. Но за глаза люди быстро окрестили ее Тенью. Тень княгини звали ее в тереме, и Мара знала, что на ее служанку смотрели с опаской даже повидавшие много воины. Но она не была служанкой в привычном понимании. И она не была рабыней, хоть многие и считали ее таковой.

Донна носила глухие черные одежды, полностью скрывающие ее тело. Она умела появляться внезапно, словно соткавшись из воздуха, и так же бесшумно исчезать. Она оставалась незримой, но знала и видела все, что происходило на их землях. Мало кто догадывался,

как сильно обрадовалась Мара, когда поняла, что ее молчаливая помощница умеет понимать чужие знаки, разбирается в целебных травах и обладает острым, почти мужским умом. Донна стала глазами и ушами княгини, ее тайным советником. Мара и сама не заметила, как привязалась к этой безмолвной черной фигуре, навсегда замершей за ее правым плечом.

Князь Тихомир долгое время смотрел на эту странную дружбу с подозрением и брезгливостью. Черный, бесформенный силуэт служанки раздражал его. Однажды, в порыве гнева, он потребовал сорвать с девки покрывало, чтобы посмотреть, кто прячется в его доме.

— Не делай этого, муж мой, — тихо, но твердо сказала тогда Мара, преградив ему путь. — У нее нет лица.

Тихомир побледнел и больше никогда не отдавал подобных приказов. А Мара ни за что не согласилась бы расстаться со своей Донной. Она знала: в этом жестоком мире нет человека более преданного. Тень не предаст. Тень отдаст за нее жизнь, не задумываясь.

Именно Донна вчера вечером, когда отчаяние уже сковало терем ледяной коркой, бесшумно вошла в покои Мары. Она принесла узкий лоскут тонко выделанной кожи и обугленную лучину. На коже Тень быстро вывела лодочку с птицей на носу, древний знак, который был скрыт под ее одеждой на материнском амулете.

Мара не поняла ни смысла знака, ни странных слов, но спорить не стала, когда Донна отдала послание самому быстрому верховому, велев скакать к границе соседних земель, а Маре сказала готовиться к ночному спуску по водной шахте.

— Это покажешь только ему, — глухо сказала Донна посланцу, который задрожал, лишь услышав к кому его отправляют. Больше ничего. Остальное скажем, когда придет к камню.

Потом они с Марой еще стояли какое-то время молча.

— Его зовут князь Ратибор, — глухо, едва размыкая губы, наконец произнесла тогда Донна, скрытая под слоями черной ткани. — Но все знают его как Лютого.

— Он самый жестокий сосед моего мужа. Еще отец князя Тихомира наказывал не будить лиха и не подходить к старому дубу на границе.

— Он не сможет проигнорировать этот знак. Он придет.

Мара видела, как занервничала ее Донна на этих словах. Верила ли она сама, что князь Лютый придет к дубу, чтобы говорить с двумя женщинами из-за знака на кожаном лоскуте?

И вот теперь, спустя почти два часа ночного пути сквозь плотный речной туман, челн мягко ткнулся носом в илистый берег тихой заводи.

Мара вздрогнула, услышав впереди, за стеной камышей, тяжелый хруст веток и фыркание коня.

Туман чуть расступился, неохотно отдавая свои тайны. У самой кромки воды, на небольшой сухой возвышенности, встал в землю исполинский священный дуб. Его ствол был так широк, что трое дюжих воинов не смогли бы обхватить его руками. На почерневшей коре виднелись глубокие зарубки — древний знак границы.

У толстых, узловатых корней стоял человек.

Князь Ратибор по прозвищу Лютый нетерпеливо перебирал кожаные поводья огромного боевого гнедого жеребца. На князе была кольчуга, тускло блестящая во влажном воздухе, и тяжелый плащ из волчьих шкур. Его лицо, изрубленное шрамами былых сражений, напоминало высеченную из камня маску.

За его спиной, в тумане, долго ничего нельзя было различить. Но Мара слишком хорошо знала мужскую осторожность, чтобы поверить, будто Лютый приехал к границе один. Где-то за деревьями коротко фыркнул еще один конь. На миг между стволами тускло блеснуло железо — и снова исчезло.

Завидев женщин, выходящих из лодки, князь Ратибор бросил на княгиню холодный, пронизывающий взгляд, но почти сразу перевел его за ее спину. Он не отрываясь смотрел, как фигура в черном ловко и бесшумно привязывает сырую веревку челна к толстой ветви ольхи.

— Кто послал мне знак? — его голос ударил над водой, как гром. В нем не было ни приветствия, ни уважения. Только лязг стали и затаенная угроза.

Князь сделал тяжелый шаг в сторону Донны, но девушка, словно испуганная птица, мгновенно скользнула за спину своей госпожи, сливаясь с ее тенью.

Мара выпрямилась, заставляя себя поднять подбородок. Она — княгиня. Ей нельзя показывать страх перед этим диким зверем.

— Говорить с тобой пришла я, — твердо произнесла Мара, хотя голос ее слегка дрогнул от сырости и волнения. — Моему мужу нужен союз с тобой, Ратибор. Войско степняков в одном дне пути от нашего городища. Если ты приведешь свою дружину на подмогу, мы ударим вместе. И они отступят.

Лютый усмехнулся. И его усмешка была страшнее оскала волка.

— Хороший план, княгиня, — протянул он с ледяной издевкой. — Вот только с чего мне тащить своих людей на верную смерть? Мы только вернулись из тяжелого похода. Мои псы еще не оголодали настолько, чтобы грызться за чужую кость, защищая чужих жен. Пусть Тихомир сам обороняет свое городище.

Он потянул поводья, собираясь вскочить в седло. Переговоры были окончены, так и не начавшись.

Мара почувствовала, как земля уходит из-под ног. Лицо спящего сына обожгло память. Она судорожно сглотнула и выкрикнула в туман слова, которым ее научила Тень:

— В память о лотосе, который цветет в тумане!

Движение князя оборвалось. Гнедой жеребец тревожно всхрапнул и переступил копытами, почувствовав, как каменная рука хозяина вдруг до хруста стиснула поводья.

Плечи рослого, непобедимого Лютого едва заметно дрогнули. Он обернулся не сразу — будто каждое движение давалось ему через боль. О нем говорили, что он никогда не показывает эмоций, если это не слепая ярость в бою. Но сейчас Мара увидела в его ясных, зорких глазах нечто немыслимое. Это был страх. Животный, первобытный страх, смешанный с такой невыносимой, застарелой мукой, что княгине захотелось отвести взгляд.

— Кто... — голос Ратибора сорвался в хрип. Он оставил коня и шагнул к ней. В его резком движении была отчаянная мольба. — Кто рассказал тебе о лотосе?

Мара инстинктивно отступила на полшага назад и указала на черную фигуру за своим плечом:

— Она. Она ухаживала за девушкой, которая велела в случае смертельной опасности найти тебя. И сказать, что знает, как цветет лотос в тумане.

Глаза князя лихорадочно метнулись к фигуре в черном.

— Где эта девушка? Где она?! — он почти прорычал это, теряя над собой контроль.

— Везде и нигде. Как ветер. Она умерла, — жестко, отрезая любую надежду, произнесла Мара. — Много лет назад. Но перед смертью сказала, что если придет беда, ты спасешь нас. В память о той, которую когда-то спасти не смог.

Мара увидела, как непроизвольно сжались огромные кулаки князя. Его скулы побелели, лицо превратилось в застывшую маску агонии. Он тяжело дышал, разглядывая черный, безликий силуэт Донны. Тишина над заводью стала такой плотной, что ее можно было резать ножом.

— Пусть она расскажет все, что знает, — наконец выдавил он, не сводя глаз с Тени.

— Она служила помощницей у лекаря, — торопливо начала Мара, боясь, что князь передумает. — Однажды к ним привезли...

— Нет, — Ратибор властно поднял руку, обрывая княгиню. — Пусть она сама скажет. Своим голосом.

Мара замаялась, но затем послушно сделала шаг в сторону. Черный силуэт Донны оказался прямо перед князем. На фоне могучего священного дуба и исполинской фигуры Лютого

ее худенькая фигурка в развевающихся на сыром ветру черных одеяниях казалась совсем хрупкой и несурзкой.

Но Тень не отступила. Она распрямила худые плечи.

Когда она заговорила, княгиня вздрогнула. Голос Донны был низким, сорванным, чуть грубым — словно ей физически больно было проталкивать слова сквозь изувеченную гортань. Но каждое произнесенное ею слово хлестало князя не хуже боевой плети.

— Ее привезли без сознания после казни, в которой она чудом выжила, — начала Тень.

При слове «казнь» в глазах князя на миг вспыхнуло что-то резкое, яростное, но он не перебил ее. Лицо говорившей сейчас было плотно закрыто черным льном, голова чуть опущена.

— Она долго лежала в горячке. В бреду несколько раз произносила имя... Светозара. Она звала его в темноту.

Если бы Донна подняла голову, она бы увидела, как при звуке этого имени лицо князя сковала жуткая гримаса боли.

— Мы поили ее травяными настоями, — монотонно, отстраненно продолжала Тень, словно читала летопись о чужой жизни. — Накладывали повязки с целебными мазями. Иногда она приходила в себя. Однажды девушка открыла глаза и сказала, что ей был сон, будто пора уходить в мир туманов. Но она взяла с меня клятву: если когда-нибудь я окажусь в беде, я должна найти князя Ратибора и сказать ему о лотосе. Она сказала... князь выполнит просьбу умирающей. Потому что он всегда помнил о лотосе.

Тень замолчала.

— Почти десять лет прошло с того дня, князь, — Мара вновь взяла слово, используя секундную слабость соседа. — И вот настал этот момент. Ты единственный, кто может помочь. Заключи союз с моим мужем. Спаси наше городище. Выполни клятву.

Князь стоял неподвижно. Взгляд его был устремлен куда-то сквозь туман, сквозь время, туда, где уже ничего нельзя было исправить.

— Можно ли было... — его голос прозвучал так тихо, что слился с шелестом камышей и перекличкой листьев старого дуба. — Можно ли было спасти ту девушку?

Тень под черным покрывалом покачала головой.

— Нет. Мы сделали все, что могли. И она это знала. Разве иначе она бы открыла мне тайну, как достучаться до самого свирепого и холодного князя на этой земле?

Лютый закрыл глаза. Когда он открыл их снова, в них вновь вернулся прежний ледяной, стальной блеск. Боль была загнана обратно, на самое дно души.

— Как цветет лотос в тумане? — отрывисто, жестко спросил он, глядя прямо на черный капюшон Тени. Это был последний пароль. Последняя проверка.

Донна не отвела невидимого взгляда за черной тканью. Ее грубый, сорванный голос прозвучал над черной водой Ясельды, как древнее заклинание:

— Когда цветет лотос, воды уносят течением прошлое. И тогда рождается настоящее.

Князь Ратибор долго стоял в тишине. Он смотрел на ровную, гладкую, как зеркало, воду заводи, в которой отражались ветви священного дуба. Затем он резко развернулся. Не удостоив Тень больше ни единым взглядом, он бросил молодой княгине:

— Сегодня вечером мы будем у ваших ворот. Скажи своему мужу, пусть выводит дружину навстречу, лишь заслышав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.